

Весенним днём в заднем саду поместья Гогун творилось настоящее столпотворение.

— Маленький предок! Помедленнее! У края пруда очень скользко! — управляющий Старина Цянь надрывался так, что голос его сорвался на фальцет. Он бежал следом за ярким пятном, мелькавшим впереди, и его старые ноги мелко дрожали.

Этим ярким пятном был Линь Ань, младший сын в семье, которого в поместье Гогун берегли пуще зеницы ока — боялись, что разобьётся, если уронить, и что растает, если взять в рот. Юноше только исполнилось шестнадцать, фигура его была тонкой, как молодая ива, а облачён он был в вызывающе роскошный серебристо-красный халат с вышитыми золотыми нитями ветвями лотоса. Со стороны казалось, будто из императорского сада сбежал самый пышный пион. Не обращая ни на что внимания, он гнался за бабочкой с переливающимися синими крыльями. В его чёрных как смоль глазах горело упрямство, щёки от бега покраснелись, а на губах играла улыбка, обнажая крошечные острые клыки.

— Замолчи, Старина Цянь! Не спугни мою бабочку! — крикнул Линь Ань, даже не обернувшись. Голос его звенел чистотой и юношеской живостью.

Бабочка, измотанная погоней, в какой-то момент резко вильнула крыльями и полетела прямо к сверкающему на солнце пруду с лотосами. Камни тайху, которыми недавно вымостили берег, от прошедшего накануне дождя стали блестящими и скользкими.

— Молодой господин! Берегите ноги... — не успел Старина Цянь закончить свой вопль, как Линь Ань, видя перед собой лишь мерцающий синий огонёк, резко оттолкнулся и бросился вперёд!

Кончики пальцев были уже готовы коснуться трепещущих крыльев.

В следующее мгновение ноги поехали.

— А-а! Бульк!

Огромный фонтан брызг взмыл в воздух, перепугав золотых рыбок в пруду. Ледяная вода в одно мгновение накрыла с головой, вместе с тиной и запахом гнили ворвавшись в нос и рот Линь Аня. Он беспомощно побарахтался, но серебристо-красный халат, напившись водой, стал тяжёлым, словно гиря, и потянул его на дно. В ушах стоял гул, а перед глазами плыл мутный зелёный свет.

— Спасите... буль-буль... спа...

Сознание, словно размокшая в воде рисовая бумага, стремительно меркло. В последние секунды ясности Линь Ань ощутил лишь непреодолимый холод и тьму, которые тянули его в пучину.

Голова раскалывалась, каждый нерв пронзала острая боль.

Линь Ань с трудом приподнял тяжёлые веки, и зрение сфокусировалось лишь спустя долгое время. Над головой висел знакомый полог из ткани цвета утренней зари, в воздухе стоял густой запах лекарств и едва уловимый, тёплый аромат, которым всегда пользовалась его мать.

— Янь-эр! Сыночек мой! Ты наконец очнулся! — в уши ворвался женский голос, полный слёз. В следующую секунду перед глазами возникло ухоженное, но опухшее от плача лицо — это была его мать, герцогиня Линь.

— Слава богу, очнулся! Хорошо, что очнулся! — раздался другой, глубокий голос, в котором сквозило облегчение человека, избежавшего беды. Это был отец, герцог Линь. Он был одет в домашний тёмно-фиолетовый халат, его обычно суровое лицо выглядело измождённым и тревожным. Он потирал руки и нервно расхаживал у кровати.

Линь Ань открыл рот, но горло пересохло, и он смог издать лишь хриплый звук. Герцогиня Линь тут же осторожно приподняла его и поднесла к губам чашку с тёплым женьшеневым отваром.

Тёплая жидкость скользнула в горло, немного смягчив жгучую сухость. Линь Ань, прижавшись к матери, чувствовал, как во всех костях ломит от слабости, а изнутри поднимается холод.

— Я... сколько я спал? — наконец выдавил он хриплым шёпотом.

— Три дня и три ночи! — у герцогини снова хлынули слёзы, она промокнула глаза платком. — Ты напугал меня до смерти! Если бы с тобой что-то случилось, я бы не выжила!

Герцог Линь тяжело вздохнул, сел на край кровати и приложил грубую ладонь ко лбу сына:

— Жар наконец спал. Ну что же ты за ребёнок такой, почему такой безрассудный! Разве можно бегать у самого пруда?

Голос его звучал строго, но в глазах читались лишь страх за сына и нежность.

Линь Ань слабо улыбнулся, пытаясь утешить родителей. Но в этот самый миг в его голове словно пробили брешь!

Бесчисленные причудливые осколки, холодные слова и чёткие картины, словно прорвавшая плотину вода, хлынули в сознание. Перед глазами потемнело, он глухо застонал и в мучении обхватил голову руками.

— Янь-эр! Что случилось? Опять голова болит? — герцогиня в ужасе запричитала.

Герцог Линь вскочил:

— Скорее! Зовите лекаря!

В хаосе Линь Ань до крови закусил губу, холодный пот пропитал его нижнее бельё. Те вещи, что насильно втиснули в его разум, постепенно складывались в единое целое, принимая форму книги, которая навсегда отпечаталась в глубине его сознания.

Название жгло глаза: «Первый министр из бедной семьи: Путь к вершинам сквозь время».

Главного героя звали Се Сяо. Это был молодой профессор из далёкого будущего с загадочным прошлым. Используя некий невероятный механизм, он переместился в эту эпоху, подделал документы и поступил в Академию Цинъюнь. Пройдя через все экзамены, он дослужился до высших чинов и стал могущественным первым министром. Он холодно наблюдал за этой династией древних людей, попутно сметая со своего пути все камни преткновения.

А их семья, поместье Гогун, в этой книге была прописана как типичные злодеи-пушечное мясо! Опираясь на статус родственников императора, они вели себя высокомерно и деспотично, постоянно выступая против этого возвышающегося министра. В конце концов тот нашёл на них управу и с помощью жестоких мер разгромил их дом! Отца лишили титула и отправили в ссылку, где он умер от болезни, мать повесилась, сестра скончалась в холодном дворце, а его самого, Линь Аня — мелкого бездельника из поместья Гогун, о котором в книге было всего пара строк, — по пути в ссылку смыло внезапным селевым потоком, и тела так и не нашли...

Ледяной финал был подобен языку змеи, лизавшему его нервы.

— Нет... этого не может быть... — Линь Ань сжался в комок, тело неконтролируемо дрожало, зубы стучали. Это же абсурд! Из-за падения в воду и высокой температуры в голове появилась книга, предрекающая гибель всей его семье? Должно быть, это бред! Это просто кошмар!

— Янь-эр? Янь-эр! Не пугай мать! — герцогиня прижимала к себе его ледяное, дрожащее тело, рыдая навзрыд.

Герцог Линь, у которого от волнения вздулись вены на лбу, рявкнул на дверь:

— Где лекарь?! Почему он до сих пор не пришёл!

Следующие два дня Линь Ань лежал в постели, словно кукла, из которой вынули душу. Он

безвольно позволял лекарю проверять пульс, матери — кормить его, а отцу — навещать его с озабоченным видом. Книга в его голове не исчезала, она была пугающе чёткой. Он снова и снова убеждал себя, что это галлюцинации, бред на фоне болезни.

До самого утра третьего дня.

Линь Ань едва успел доест полчашки супа из птичьих гнёзд, как из-за двери донёлся пониженный, но полный тревоги голос Линь Аня, личного слуги отца:

— Господин герцог, во дворце... случилось происшествие!

Герцог Линь, сидевший за столом, нахмурился и отставил чашку с чаем:

— Чего ты паникуешь? Что случилось?

Голос слуги дрожал:

— Это... это Ведомство цензоров! Сегодня утром на большом утреннем приёме цензор Ли подал докладную записку, обвиняя... обвиняя вас, господин герцог... в том, что ваши слуги совершили преступление, насильно захватив три му неплохой земли у некоего Ван Лаоши в переулке Люшу, и... и избили отца и сына Ван!

Стук!

Ложка в руках Линь Аня упала в остатки супа, издав тихий звук. Он резко поднял голову, лицо его стало бледнее рисовой бумаги, глаза впились в сторону двери, дыхание перехватило.

Слуги совершили преступление... насильственный захват земли... избили отца и сына Ван...

Каждое слово было как удар холодного молота по сердцу! Всё в точности совпадало с тем, что три дня назад «предсказала» книга!

Внешне герцог Линь явно на мгновение остолбенел, а затем его охватил гнев:

— Чушь собачья! Та земля Ван Лаоши — он сам продал её управляющему нашего поместья позапрошлым годом, когда проиграл в азартные игры! Есть заверенная купчая! Какой ещё насильственный захват? А про избиение слугами — это вообще бред! Его сын сам сломал ногу, а теперь сваливает вину на нас?

— Господин герцог, прошу, успокойтесь! — голос слуги стал ещё тише. — Цензор Ли был весьма убедителен, он даже предъявил так называемое письмо кровью от пострадавших...

Однако Его Величество проявил мудрость и не стал устраивать разбирательство на месте, лишь сказал: «Я всё понял», велел евнуху забрать записку и объявил об окончании приёма...

Герцог Линь тяжело дышал, видно было, что он в ярости. Он раздражённо прошёлся по комнате, шаги его звучали глухо. В конце концов, он тяжело хмыкнул и, полный обиды и гнева, широким шагом вышел из комнаты — вероятно, направился в кабинет, чтобы придумать ответ.

Шаги стихли.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Слышно было лишь тяжёлое, прерывистое дыхание Линь Аня, похожее на работу сломанных мехов.

Герцогиня с тревогой смотрела на бледное лицо сына:

— Янь-эр, не бойся, твой отец...

— Мама, — Линь Ань резко перебил её, голос его был сухим и хриплым, с дрожью, которую он сам не осознавал. — Тот цензор Ли... его зовут Ли Чунвэнь? Худой, высокий, с козлиной бородкой и маленькой родинкой на левом веке?

Герцогиня замерла, припоминая, и кивнула:

— Да... именно так. Янь-эр, откуда ты знаешь? Твой отец раньше упоминал его, говорил, что это человек, который любит лезть во все дела и зарабатывать себе имя...

Дальнейших слов Линь Ань уже не слышал.

Бум!

В голове что-то окончательно взорвалось. Последняя надежда на то, что это галлюцинации или бред, была растоптана в пыль. Пронизывающий холод от пяток до макушки сковал всё его тело.

Это правда.

Всё, что написано в этой книге, — чистая правда! Он, Линь Ань, его родители, его сестра, весь их дом... все они лишь ступеньки в чужой истории, которым суждено погибнуть в муках!

Огромный страх, словно холодная рука, сжал сердце, почти лишая его дыхания. Ему казалось, что он уже видит солдат, пришедших с обыском, видит закованных в кандалы родителей, видит жёлтый песок и отчаянную смерть на пути в ссылку...

Нет!

Никогда прежде не испытанное чувство яростной решимости вытеснило страх. Линь Ань вцепился в мягкое одеяло, ногти впились в ладони. Он не может умереть! Отец и мать не могут умереть! Сестра не может умереть! Поместье Гогун не может пасть!

Его глаза, ещё недавно подёрнутые болезнью и страхом, теперь горели пугающим огнём, как у зверя, загнанного в угол.

Нужен план! Нужно изменить ход событий!

Что там говорилось в книге? Гибель поместья началась с того, что они обидели будущего министра Се Сяо! Он — источник всей трагедии и единственный ключ к спасению!

Мысль, подобно молнии, прорезала хаос в голове, мгновенно став ясной и твёрдой.

Присосаться!

Присосаться к Се Сяо! Обхватить его мёртвой хваткой ещё до того, как он возвысится! Прилипнуть, как банный лист! Наладить отношения! Сделать так, чтобы Се Сяо полюбил его, начал дорожить им, считать своим человеком! Пока Се Сяо не выступает против семьи Линь, все те ужасы из книги никогда не произойдут!

Да! Именно так и надо сделать!

— Янь-эр? Янь-эр, что с тобой? Не пугай мать! — герцогиня, видя, как на лице сына сменяются эмоции, застыв в итоге в выражении почти свирепой решимости, испугалась и начала трясти его.

Линь Ань глубоко вдохнул, подавляя бурю чувств внутри. Он отстранил руку матери и сбросил одеяло. Тело, едва оправившееся от болезни, было слабым, и при попытке встать он пошатнулся.

— Ох, сыночек! — герцогиня поспешила поддержать его. — Что же ты делаешь? Ты ведь ещё не поправился!

Линь Ань устоял на ногах и в ответ крепко схватил мать за плечи — с удивительной силой. Он поднял голову и, глядя матери прямо в испуганные глаза, каждое слово чеканя, произнёс:

— Мама, я хочу учиться.

— А? — герцогиня была в полном замешательстве, думая, что ослышалась.

Линь Ань не стал объяснять. Он отстранился от матери и, шатаясь, но с невероятной твёрдостью направился к выходу. Ему нужно найти отца, сейчас же, немедленно!

Герцогиня, потрясённая его внезапным поведением и этими словами, лишь машинально последовала за ним.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Линь Ань, не заботясь о приличиях, распахнул её.

Герцог Линь стоял спиной к двери перед огромным столом из сандалового дерева, сердито глядя на развёрнутую перед ним докладную записку, нахмутив брови. Услышав шум, он раздражённо обернулся, собираясь отчитать слугу за такую бесцеремонность.

— Отец!

Этот призыв, прозвучавший с придыханием, заставил гнев герцога застрять в горле. Он замер, глядя на младшего сына, который, опираясь на дверной косяк, стоял перед ним с бледным, но горящим решимостью лицом.

— Янь-эр? Почему ты встал? Живо возвращайся в постель! — гнев герцога в одно мгновение сменился тревогой при виде слабости сына.

Линь Ань не обратил внимания на беспокойство отца. Он выпрямил свою тонкую спину и, собрав все силы, глядя отцу прямо в глаза, твёрдо объявил:

— Отец! Я хочу поехать на Юг! Я хочу учиться в Академии Цинъюнь!

— Пх-х... кха-кха-кха!

Чашка с лучшим чаем Лунцзин, которую герцог Линь держал в руках, пытаясь успокоиться, выпала из его ослабевших пальцев. С громким стуком она ударилась о пол, и чай вместе с осколками разлился по дорожному персидскому ковру.

Тёмно-коричневое пятно быстро расплзлось, а поднимающийся пар затуманил лицо герцога, на котором отразились изумление, смущение и капля невероятного восторга. Он в упор смотрел на младшего сына, слегка приоткрыв рот, будто слышал небылицу.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Линь Аня да влажным пятном от разбитой чашки, пропитывающим дорогой ковёр горьким ароматом чая.

<http://bllate.org/book/19996/1971885>